

ДВА РАСКОЛЬНИЧЬИ СТИХА. ¹⁾

Сообщены Н. П. С-кымъ.

1. Иѣсьнь умилна Лаврентьева монастыря.

Боже! придоша времена до насъ,
О нихъ прорекоса еще прежде насъ.
Пустыни были вѣсмъ прибѣжища;
Нынѣ ужъ тамъ нѣтъ прибѣжища.
Разсылають насъ, разлучаютъ насъ...
Ради бѣ неразлучно идти за Кавказъ.

---

¹⁾ Первый изъ напечатанныхъ здѣсь стиховъ взятъ изъ раскольниковьяго сборника Моск. Д. Акад. № 431. Лаврентьевъ монастырь принадлежалъ къ числу обширнѣйшихъ раскольниковьяхъ монастырей. Онъ находился въ моголевской губерніи, въ близкомъ (нынѣ гомельскомъ) уѣздѣ, неподалеку отъ Гомеля, въ вѣнѣ князя Паскевича. Уничтоженъ въ сороковыхъ годахъ, при настоятелѣ игуменѣ Аркадіѣ. По разореніи монастыря Аркадіѣ ушло за границу и тамъ бѣловрицкии митрополитомъ Кирилломъ произведенъ въ епископы, съ наименованіемъ брачловскаго. Ему приписываютъ и сочиненіе стиха о разореніи Лаврентьева монастыря. Стихъ этотъ, положенный на голось, составляетъ доселѣ любимую канту у раскольниковъ. Другой стихъ взятъ также изъ раскольниковьяго сборника Моск. Дух. Акад., который носитъ курьозное названіе «собранія разныхъ свѣтскихъ нравственностей». Подъ именемъ этихъ нравственностей внесены въ рукопись частію стихотворенія и изреченія сочинителей-нераскольниковъ, — изъ нихъ нѣкоторыя не цензурнаго содержанія и притомъ далеко не нравственнаго, — частію стихотворимыя же произведенія раскольниковьяго пера. Оныя раскольниковьяго виршетворенія, какъ можно догадываться, принадлежатъ одному автору — нѣкому мѣщанину Святославскому. На обертвѣ рукописи есть между прочимъ слѣдующая надпись: „1842 года 31 генваря занимался

Въ сей книгѣ чтеніемъ московской мѣщанинъ,
И за написаніе Святославскаго хвалилъ,
За то, что много рижѣ (sic) въ ней написалъ
И любителей сатиры показалъ.
Читатели! стихи и эпиграфы прочтите,
А за написаніе Матвѣя Святославскаго хвалите.“

Къ сожалѣнію „критика“ на табакъ не окончена; подъ нею есть прависка: „и критикъ еще половиною не написано.“

Не протвнися божіей воли,
 Идемъ во своя мы по неволи.
 Оставляемъ храмы, пречудно созданны,
 Златомъ и серебромъ богато убранны.
 За царя молить и въ поли будемъ,
 Про житье свое въ вѣкъ не забудимъ.
 Пущай владѣють чужимъ насильно;
 Скоро Судія воздастъ обильно:
 Рапенъ у него и царь и воинъ,
 Богату и нищу судія единъ.
 Иргизскія поды въ море утвали;
 Его жителей вонъ вытиснили.
 Поселили ихъ близъ Ленкорана,
 Имъ свобода тамъ вся вполнѣ дана.
 Араратъ гора и Араксъ рѣки
 Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣднн вѣки;
 Каспійское море ихъ обливаетъ,
 Песчаная степь ихъ обливаетъ;
 Сибирскія горы покрываютъ ихъ,
 И рѣка Евратъ недалеко ихъ.
 Дождались и мы жестокой зимы,
 Выслали всѣхъ насъ безъ всякой вини.
 Мы во всемъ власти повинуемся,
 За обидящихъ насъ Богу молимся.
 Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
 Мы будемъ въ молчаніи, вмѣсто громкихъ пѣній.
 Поминать мы будемъ про житье свое,
 Жили при рѣкѣ, при быстрой Узѣ.
 Но время быстрѣе сей нашей рѣки;
 Оно унесло молодые вѣки.
 Цвѣла обитель боліе ста лѣтъ;
 Пыль опустѣла, уже ея нѣтъ.
 Звонъ былъ удивленный, акн громъ гремѣлъ;
 Соборъ разныхъ птицъ громко пѣсни пѣлъ.
 Теперь все замолкло и нѣтъ ничего;
 Погибло, потлѣло, травой заросло.
 Перестаньте пѣть, веселыя птицы,
 Скоро улетайте за море отъ насъ,
 Скажите за моремъ, что ужъ насъ тутъ нѣту,
 Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту.
 Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,

Летучія мыши, воробьевъ стада.
 Прохожій не можетъ безъ слезъ проити,
 Разсматривая разны предметы.
 Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ;
 Онъ, все обзрѣвъ, главою качаетъ.
 Гдѣ праведный судъ? — Его не стало,
 Какъ превратное время настало.

II. Справедливая критика на табакъ.

Враждебникъ нашихъ душъ и жи отецъ
 Предвидѣлъ вѣка близкій конецъ.
 Страхась горѣть въ геенѣ безконечной,
 Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчной
 И въ тартаръ зубами заскрипѣлъ,
 Какъ левъ, разверзши челюсти, взревѣлъ:
 «Коль горестно душа моя томится,
 «Что «внимамъ Месіи лишь курится!
 «Почто распятый Маріинъ сынъ
 «Пріемлетъ днесь почетеіе одинъ?
 «Я зрю: хотя уже развратенъ свѣтъ,
 «Но мнѣ благоуханной жертвы нѣтъ.
 «Уже я скверны моды выдавалъ,
 «Училъ пїянству, драки воздвигалъ;
 «Еще душа моя не насытилась,
 «И новое желаніе явилось.
 «Еще вновь сердце во мнѣ горитъ;
 «Я тѣми жертвами весьма не сытъ.
 «Пушай издамъ на свѣтъ отличну моду;
 «Дай отълиму молитвенну свободу.
 «Презрестно ремесло подать хочу,
 «Чѣмъ рану нестерпиму залѣчу.
 «Пилать что, на Голгофѣ водрузилъ,
 «Тѣмъ древомъ сердце мое пронзилъ.
 «Страдалъ ей тысящу и больше лѣтъ,
 «Погибъ мой умъ, къ лѣчьбѣ надежды нѣтъ».
 Изрекъ сіе и безъ вѣсти пропалъ,
 Какъ въ адъ томъ онъ вѣчно не бывалъ.
 Въ бездонный тартаръ съ шумомъ опустился,
 И въ размышленіе злое погрузился.
 И долго думалъ тамъ, какой бы грѣхъ

Поспѣшнѣй могъ прогнѣвать Бога всѣхъ.
 Оттолкъ долго бѣси ожидали;
 Почто же скрылся, всѣ того не знали.
 И выдумалъ премерзко утѣшенье
 На нераскаянное прегрѣшенье.
 И вдругъ изъ тартара какъ огонь явился,
 И съ радостью на тронѣ очутился.
 Немедля онъ начальства тѣмъ собралъ
 И планъ обдуманннй ннѣмъ расказаъ.

Ура! кричали всѣ, тѣмъ честь явили,
 И всѣ полки знамена приклонили.
 Тутъ князю тѣмъ далъ строго приказанье,
 Достать травы чтобъ приложилъ старанье,
 Послать за табакомъ, гдѣ бралъ Вещуцнй.
 «Сейчасъ!» И полетѣлъ туда бѣсъ купцнй,
 Слуга на зло послушный и ретивый.
 И хватъ, къ дѣламъ не промахъ торопливнй:
 Какъ молнн въ Америку слеталъ,
 Съ папушамн діаволу предсталъ.

А онъ его велѣлъ смолеть, подправить,
 Но, чтобъ покрѣпче былъ, велѣлъ золы подбавить.
 Когда же бѣсъ молодой, и въ тотъ горшокъ
 Подсыпалъ діаволъ адской порошокъ
 Разъемистый, приманчивый, куражный,
 На вѣкъ волшебной силою преважный.
 Князь тѣмъ сперва отпробоваъ самъ,
 Потомъ начальникамъ и всѣмъ бѣсамъ.
 И коль съ него тогда развеселились!
 Играли, прыгали, какъ всѣ взбѣснлись.
 Тутъ громко всѣ: «взватъ! ура!» кричали,
 За выдумку почтенье отдавали.

Тутъ новостню Веелзеулъ занялся,
 Всей силою зло вымыслить старался,
 Желасмый успѣхъ чтобъ получитьъ,
 Бѣсовской прихоти всѣхъ обучить:
 Послалъ бѣсовъ къ развратному народу,
 Чтобъ научить и выкинуть всѣмъ моду:
 Какъ нюхать въ носъ, и въ чемъ его хранить,
 Какъ трубки работать, и какъ курить.
 Вдругъ табакерки выдумать не могъ,
 То сатана велѣлъ насыпать въ рогъ.

И чтобъ скорѣй табакъ все полюбили,
 Отвергли Божій страхъ, и адъ забыли,
 Важный всего къ концу привести успѣхъ,
 И не былъ бы порожній носъ у всѣхъ,
 И чтобъ нельзя молитвы сотворить: —
 Всѣхъ научили трубки ртомъ курить.
 И для такой бѣсовской моды новой
 Во адѣ трубки не было готовой;
 Діаволъ далъ на вѣчную посмѣшку:
 Изъ ада вытащилъ горящу головешку,
 Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
 Потомъ и табакомъ всю начинилъ.
 Велѣлъ, чтобъ бѣсъ большимъ весь притворился
 И хитростью обманщикомъ явился,
 И, взявши въ ротъ, по улицѣ ходилъ, —
 Держа кистетъ въ рукахъ, ее курилъ.
 Кто спроситъ: «что ты дѣлаешь такое?»
 — «Лѣчусь! се есть лекарство дорогое.»
 «Но гдѣ ты взялъ толь чудное лекарство?»
 — «Скажи, ходилъ за море въ дальне царство,
 «Божусь, царемъ кой миръ весь покоряетъ,
 «Его держава царства устрашаетъ;
 «Клянусь! берусь я крѣпко за него,
 «Курь! ты здравой будешь отъ него.
 «Его курить и нюхать въ носъ способно,
 «Всегда оно для всякаго пригодно,
 «Табакъ тебѣ неложный исцѣлитель,
 «А я наставникъ твой и покровитель;
 «Кто нюхаетъ, хоть юнъ или во сто лѣтъ, —
 «Бываетъ здоровъ, умнѣе и скуки нѣтъ.
 «И въ горѣ кто, онъ тѣхъ увеселяетъ,
 «И боленъ чѣмъ, все вскорѣ исцѣляетъ.»
 Вотъ такъ князь тьмы, правитель всей гесинной,
 Пустилъ се ремесло по всей вселенной.
 Коль злой обманъ выдумалъ сатана!
 Всѣхъ мнить, — потѣха отъ Бога дана.
 Опомнись ты, табашникъ грѣховодникъ:
 Неужели нашъ Богъ — грѣху виновникъ?
 Во дни міроздавнiя создатель всѣхъ
 Ничто не сотворилъ для злыхъ потѣхъ;
 Хотя и произвелъ сіе творенье,
 Ужель на грѣхъ и скверно утѣшенье?

Увы! вездѣ умножился табакъ,
И безъ него не могутъ жить никакъ.
Друзья! воззрите въ путь протокиныхъ лѣтъ:
Стоялъ и безъ забавъ бѣсовскихъ свѣтъ;
Бывали въ старь военны полководцы,
Судьи, князья и мудры мореходцы,
Тогда бывали крезы — патриоты,
Любили пить и къ роскошамъ охоты,
Бывали пресвященные владыки
И слою ума зѣло вѣлики.

Изъ тѣхъ, хоть и грѣшникъ кто бывалъ,
Но табаку никто и не знавалъ.
Вотъ такъ премерзкая вошла забавя,
Пгрушка дявольска, душамъ отравя.
Какъ море разлилась сія чума;
Лишился міръ духовнаго ума.
Въ немъ кроется магическая сила,
Какъ талисманомъ міръ обворожила,
Какъ злой халдѣйскій хитрый чародѣй
Вовлекъ и приучилъ къ себѣ людей.

Волшебно дѣйствіе въ себѣ являетъ:
Полюхай, какъ магнитомъ привлекаетъ.
Только протекло ужъ тысящъ лѣтъ,
И наконецъ бѣсъ прихоть издалъ въ свѣтъ. ...
